

russischen Mönchtums» в «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», II, 1954, стр. 121—135).

Вопросам, касающимся XVI в., посвящены три неопубликованные диссертации: Е. Тренцак. Zum Problem und der Gestalt des russischen Nationalbewusstseins im früheren Moskauer Reich des 15.—16. Jahrhunderts. Graz, 1951; R. Winkler. Der Domostroj und seine Entstehungsgeschichte. Leipzig, 1950; Н. Веертх. Wandlungen in der russischen Geschichtsschreibung im 16. und beginnenden 17. Jahrhundert. Göttingen, 1945. Шире представлены работы о русской литературе XVII столетия. Вопросы, касающиеся творчества Аввакума, трактует Р. Hauptmann в своей диссертации «Die christliche Wirklichkeit im Denken und Leben des Protopopos Avvakum» (Münster, 1953; авторское резюме этого, также неопубликованного сочинения напечатано; см.: Theologische Literaturzeitung, LXXX, 1955, стр. 55—56). Статья С. А. Зенковского «Der Mönch Epifanij und die Entstehung der russischen Autobiographie» (Die Welt der Slaven, I, 1956, стр. 276—292) пытается показать, что автобиографический жанр в древнерусской литературе постепенно и вполне естественно развивался, с одной стороны, из духовных завещаний и монастырских правил, а с другой стороны — из автобиографических отрывков житий, так что ни Аввакум, ни его предтеча и вдохновитель — старец Елифаний не могут быть признаны первыми русскими автобиографами.

Особенно острая полемика существует по вопросу о русском литературном барокко. В программном обзоре «Die slavistische Barockforschung» (Die Welt der Slaven, I, 1956, стр. 293—307, 431—445) Д. Чижевский, который уже десятилетия играет роль передового бойца идеи барокко, дает оценку современному состоянию вопроса. Как далеко может простираться понятие «барокко», показывает работа венгерского ученого А. Ангяля «Die Barock-Epoche in der slavischen Literatur- und Kulturgeschichte» (Blick nach Osten, II, 1949, стр. 165—180, 267—286), где такие памятники, как «Сказание о киевских богатырях» или «Повесть о Еруслане Лазаревиче» причисляются к барочному эпосу, а А. Л. Ордин-Нащокин назван представителем барочной дворянской литературы России. В своем докладе к 500-летию Грайфсвальдского университета «Das Problem des slavischen Barocks» (Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst—Moritz—Arndt—Universität Greifswald, Jahrg. VI, 1956/57, Gesellsch.- u. Sprachwiss. Reihe, стр. 67—77) Ангяль сожалеет — так же как и Чижевский в упомянутом выше обзоре (стр. 435 сл.) — о недостаточности изучения литературного барокко в СССР, причем исследование И. П. Еремина о стиле Симеона Полоцкого (ТОДРА, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 125—153) он оценивает как многообещающее исключение. По моему мнению, мы имеем здесь дело с проблемой, которая требует взаимопонимания от всех участников ее разработки. Барокко является — это доказано выводами сравнительного литературного исследования — подлинным литературным течением в самом широком смысле слова, которое в истории европейской литературы нельзя более игнорировать, и в котором Россия также, без сомнения, принимала участие. С другой стороны, нельзя, конечно, переносить литературные нормы схематически с одной нации на другую.¹⁸

Истолкованием духовного перелома, который наметился в России уже в допетровскую эпоху, занимается М. Вгауп в своем этюде «Das Eindringen

¹⁸ Что касается выжидательной позиции советских литературоведов по отношению к идее барокко, то ее можно связать с традиционной самооценкой французского классицизма, который в России оставался действенным дольше, чем где-либо. Франция, родина классицизма, также долго противилась признанию барокко, хотя тем временем обнаружилось, как многим обязан классицизм столь презираемому им барокко.